

Все доктора и пациенты, описанные в книге,
являются вымышленными персонажами,
и любое сходство с реальными людьми —
чистая случайность

ОБНАЖЕННЫЙ МАХОМ

Случилась эта удивительная история в Королевском Девонширском госпитале, где я работал ответственным дежурным по родильному отделению, на местном наречии — реджистраром. Королевский Девонширский, хотя и находился по лондонским меркам во тьме таракани, обслуживал, тем не менее, примерно два миллиона человек разного сельского английского населения. Работы в родилке хватало, и скучно не было совсем... Тут тебе и санавиация, тут тебе и охотно беременеющие жены королевских морских пехотинцев, чья база находилась неподалеку в городке Таунтон, и фермерши с мозолями на причинном месте от чрезмерного катания на лошадях, и даже представительницы сельской аристократии, так называемые помещицы.

Родильное отделение на десять коек, а в конце длинного коридора — палаты интенсивной тера-

пии и операционный блок, перед входом в который располагались разные служебные помещения — душевые для акушерок, комната отдыха анестезиолога, раздевалки и прочая, прочая... Комната отдыха врача-акушера, с кожаным диваном, большим телевизором и Интернетом, была на некотором отдалении, в восточном крыле акушерского блока.

Так вот, заступаю в субботу в восемь вечера на дежурство. В новом хирургическом костюме, в любимой свежевывглаженной операционной шапочке с нарисованными на ней маленькими эскимосами и оленями, обвешанный пейджерами, и сразу же зовут меня в третью родильную комнату, посмотреть тетеньку с многоводием, зарожавшую на тридцать седьмой неделе ¹. Произвожу внутренний осмотр, чтобы уяснить положение головы плода, и вдруг — цунами! Все три с половиной литра околоплодных вод под давлением схватки выливаются на меня одним стремительным потоком, как из

¹ Средняя продолжительность беременности от зачатия до родов составляет тридцать восемь недель (эмбриональный срок). Средняя продолжительность беременности от начала последней менструации до родов составляет сорок недель (акушерский срок). Использование акушерского срока более распространено в медицине, так как дата зачатия, как правило, трудно определима.

ведра. Следом появляется голова младенца, а потом, незамедлительно, и он сам. Кладу новорожденного маме на живот, под его вопли перерезаю пуповину, кладу послед в специальный тазик и понимаю, что мне нужно в душ, причем как можно быстрее: я с головы до ног покрыт склизкими, пахучими околоплодными водами с примесью детских какашек, крови и еще черт знает чего. Новый операционный костюм — мокрый насквозь, и с любимой хирургической шапочки тоже капает околоплодные воды. Высоко нести знамя английского акушерства в таком состоянии было невозможно, и я пулей побежал в душ, хлюпая и оставляя на полу мокрые следы. Так как до комнаты врачей надо было идти минуты две, я без промедления решил воспользоваться ближайшим — душем для акушеров в родильном отделении.

Сорвав с себя всю мокрую одежду, я бросил в раковину часы, бейдж и протер спиртовыми салфетками мокрые пейджеры. Пейджеров или, как их называют на медицинском сленге, «блипов», у дежурного акушера обычно два: красный, издающий тревожные вопли в критических ситуациях, в случаях внезапно возникшего риска для жизни пациента, он называется «краш блип», и черный, «персональный блип», который пищит по всем остальным вопросам. Включаю горячий душ и интенсивно смываю с себя кровь, меконий и амниотическую

жидкость¹, ожесточенно намыливаясь жидким мылом с антисептиком. Полностью отмывшись, я удовлетворенно выключил воду и вдруг понял, что у меня нет ни запасной одежды, ни полотенца. Все эти полезные штуки я забыл, поспешая в душ, ибо ощущение слизи и какашек на физиономии было не из приятных.

И вот я стою: ответственный дежурный доктор отделения беременности и родов высокого риска Королевского Девонширского госпиталя, в женском душе, без трусов, мокрый, с двумя пейджерами в руках, с бейджем, в красных операционных резиновых тапочках и в часах. «Надо что-то делать», — мелькнула мысль... Попытался высунуться из двери душа и позвать кого-нибудь из акушеров. В поле зрения никого не оказалось: все сидят с роженицами по комнатам. Звал, звал — безрезультатно. Оставалось одно — улучшить момент и стремительной пулей метнуться в раздевалку оперблока, где лежат желанные новые комплекты хирургического белья.

Бежать метров пятнадцать. В принципе, за пять-шесть скачков можно допрыгнуть. Как назло

¹ Амниотическая жидкость — жидкость, находящаяся внутри плодных оболочек и окружающая плод во время беременности. Меконий — первые кишечные выделения новорожденного.

в этот же момент начал звонить черный пейджер, наверняка дежурный консультант — мистер Редклифф звонит узнать, все ли в порядке на отделении, прежде чем отправиться спать в своем особняке в Тивертоне. Решение принято! Выскакиваю из душа в темный коридор, тускло освещенный подмигивающей лампой дневного света. Поскальзываюсь. С криком «Бляяады!» падаю на пол.

В этот самый момент включается яркий свет, и в начале коридора появляется акушерка Маргарет с ознакомительным туром по родильному отделению для беременных и их мужей — человек пятнадцать, не меньше. Понимая, что мужик, лежащий в одних часах и с бейджем в родильном отделении на полу, престижа госпиталю не прибавит, волоча ногу, отползаю в сторону раздевалки оперблока. Застывшая группа беременных во главе с акушеркой Маргарет офонаревшим взглядом наблюдает мою голую жопу, исчезающую в дверях раздевалки.

Через пять минут выхожу как ни в чем не бывало на отделение, весь в чистом, но без шапочки.

— Ну что ж, продолжим обход? — вопрошаю без тени смущения...

Среди акушерок тотальный шок — все рыдают. Маргарет, утирая слезы, говорит, что хотела сказать группе посетителей: «А это наш оперблок», но сказала: «А это Дэннис, наш ответственный дежурный доктор, он... из России».

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вас жестоко обманули. В этой книжке нет абсолютно никакого сюжета.

Здесь нет ни завязки, ни кульминации, ни развязки.

В этой книжке вообще нет литературы как таковой.

Потому что эта книжка — своего рода бортовой журнал, в который беспристрастно и дословно записаны мысли, события и диалоги, случившиеся за двадцать лет моего путешествия по жизни.

Путешествия, которое привело меня из маленького грузинского провинциального городка Потти в самое сердце лондонского мегаполиса.

Путешествия, которое превратило меня из блюющего за борт от малейшей качки младшего матроса Потийского морского пароходства в помощника грузчика на алюминиевом заводе в Оксфордшире, а затем, моментально, во врача акушерской

клиники Лондонского Университета и члена Британской Королевской коллегии акушеров и гинекологов.

Путешествия, которое научило меня любить жизнь и ненавидеть смерть во всех ее проявлениях.

Путешествия, которое научило меня смеяться, даже когда всем не до смеха, и плакать, когда никто не видит.

Путешествия, которое научило мои глаза бояться, а руки — делать.

Так уж получилось, что главным героем собственного путешествия по жизни стал я сам. Поэтому в этой книжке вы найдете много упоминаний про «мистера Цепова». Это не от нарциссизма и самовлюбленности, а исключительно с целью передать ощущения от «первого лица».

Книжка эта — собранные мною байки, которые уместно травить как молодым матросам в кают-компании, так и симпатичным девушкам-интернам в ординаторской во время ночного дежурства за чашкой кофе с замшелым, но ужасно вкусным дежурным бутербродом с сыром, который вы, придя утром на дежурство, забыли положить в холодильник.

Ну, а в байках, конечно, по закону жанра, и прирать не грех, таков уж морской закон!

Каким получилось это повествование — грустным или веселым — решать вам, дорогой читатель,

но что интересно, так это то, что мое захватывающее путешествие по жизни все еще не закончено. Эта книженция — только начало!

Итак, располагайтесь поудобнее на моем ординаторском диване, подлейте себе еще кофейку, закурите сигаретку и читайте на здоровье мои байки, смешные и не очень...

*Искренне ваш,
Денис Цепов, Легендарный Матрос Кошка
Лондон, июнь 2010 года*

КАК Я СТАЛ ГИНЕКОЛОГОМ, ИЛИ ГОВНО-ВОПРОС

Моя карьера в гинекологии началась с одного примечательного случая, о котором я и хочу вам поведать.

Был я тогда, в тысяча девятьсот девяносто пятом году, студентом четвертого курса в Первом питерском ЛМИ¹. Моя мечта стать гинекологом рассыпáлась на глазах. Чтобы попасть на акушерско-гинекологический поток, так называемую субординатуру, надо было либо платить денежку «кому надо», либо иметь такие знакомства с «кем надо», чтобы одного телефонного звонка было

¹ Первый питерский ЛМИ (или «Первый мед» на петербургском сленге) — медицинский институт, в настоящее время — Медицинский университет, самое престижное учебное заведение в Петербурге, выпускающее врачей, со стабильно высоким конкурсом при поступлении.

достаточно для зачисления. Был и третий путь: нужно было так понравиться профессору Новикову или доценту Яковлеву, чтобы они пропиарили тебя заведующему кафедрой, убедив его в том, что такое юное дарование, как ты, просто необходимо кафедре, гинекологии и медицинской науке в целом.

Задача была совершенно невыполнимая. Денег и знакомств не было. Понравиться доценту Славе Яковлеву было еще труднее. Это был бог оперативной гинекологии. Демон операционной. И последняя инстанция в случаях, когда профессора и академики, внезапно покрывшись мелкими капельками пота, орали: «Слава! Мойся! У нас кровотечение!» Слава мылся, неторопливо, вразвалочку подходил к столу и решал проблему. Худощавый, невысокий, с пронзительным взглядом и бородкой клинышком, он мне напоминал Джонни Деппа, если последнему накинуть еще лет пятнадцать. В операционной он не делал ни одного лишнего движения и не произносил ни одного лишнего слова. Его неторопливая манера оперировать вызывала у меня щенячий восторг. Это было состояние, близкое к тому, когда я, будучи шестилетним мальчиком, утром первого января нашел под елкой настоящую игрушечную железную дорогу. Каждое слово, тихо произнесенное им, весило примерно двести килограммов. Медсестры боготворили и

боялись Славу Яковлева, все пациентки, от шестнадцатилетних школьниц до тридцатипятилетних бизнес-леди и шестидесятилетних заведующих овощебазами, были тайно влюблены в Славу Яковлева. При словах «обход доцента Яковлева», каждый вторник в десять ноль-ноль, все без исключения пациентки отделения лежали в кроватях, без трусов, в полном макияже и источали сильнейшие парфюмерные ароматы, варьировавшиеся от «Дiorа» и «Дживанши» до «Красной Москвы», от смеси которых у заведующей анестезиологией, Елены Ивановны Сысоевой, начиналась мигрень. Интересно заметить, что в другие дни, когда обход делали другие доктора, включая профессора Новикова, ничего подобного не происходило. Жополизов Слава не выносил, «блатных» ужасно гнобил, любимчиков не терпел, и подкатить к нему на хромой козе не представлялось возможным. Но ходили легенды, что, если понравится Славе Яковлеву, он не только научит тебя божественно оперировать, но и возьмет на субспециализацию, что и было, собственно, пределом мечтаний.

И вот, следуя своему «плану завоевания сердца доцента Яковлева», я устроился работать санитаром оперблока на отделение оперативной гинекологии. Специально. Чтобы быть ближе к мечте. Мой оперблок блестел, как флагманский фрегат накануне императорского смотра. Я драил его с

остервенением, и надежда, что Божественный Слава Яковлев обратит на меня внимание, не давала мне покоя. Однажды Слава Яковлев, проходя по оперблоку, похвалил старшую операционную сестру, Диану Васильевну, за идеальную чистоту. «Оперблок — гордость отделения!» — сказал он ей своими двухсоткилограммовыми словами. Та тут же состроила глазки и, зардевшись, промурлыкала: «Стараемся, Владислав Геннадьевич!» Обидно было до слез. Но ничего не поделаешь.

И вот, в одно из ночных дежурств, произошло нечто, что сблизило нас навсегда.

К нам поступила женщина с острым животом¹ и тридцатинедельной беременностью. Ужасная боль в животе, рвота, электролитные нарушения, сдвиг лейкоцитов влево, ничего не понятно... Позвали хирургов... Хирурги, как водится, спокойно сказали: так как тетенька беременная, приняли решение оперировать в гинекологической операционной.

Тут я сделаю небольшое отступление. Есть «чистые» операционные, а есть «грязные». В «чистых», как правило, не выполняются гнойные операции и операции, связанные с разрезами кишки. Наша гинекологическая операционная была как раз

¹ *Острый живот* (медицинский сленг) — с острыми болями в животе.